

Глава 18.6

С яростной мстительностью она с силой распахнула дверь, ведущую в подземные камеры, с громким и слышным стуком распугав всех остальных, включая знакомых АНБУ, которые находились поблизости.

Никто не хочет иметь дело с разъяренной джинчуурики на тропе войны, особенно с той, которая еще не доказала, что способна сдерживать или контролировать зверя внутри себя своими силами, и этот зверь может выйти на свободу в любой момент без предупреждения. Но ее не волнует ни их мнение, ни их вновь обретенный страх перед ней и ее новым другом-котенком.

Она шлепнула печать, которую потребовала у своего сенсея, на шею и немедленно активировала режим чакры Высвобождения Огня, силу, которую она приобрела благодаря тому, что этот идиот вдохновил ее на это. Печать ее сенсея гарантирует, что она не сожжет все на себе. Она не нудистка, как Митараши Анко, и уж точно не собирается устраивать здесь бесплатное шоу.

Огонь ревел вокруг нее и согревал ее, пока она шла в замерзший ад, который становился все холоднее, чем ниже она спускалась.

Синее пламя пронеслось над ее формой как раз тогда, когда она подумала, что ее собственного огня недостаточно, чтобы согреть ее.

«Спасибо, Мататаби»

«Без проблем, ня. Ты первая, кто поблагодарил меня»

«Правда? Я думала, вы с Югито в хороших отношениях»

«Она вежлива, да, но у нее была способность силой использовать мое пламя для своих нужд. Ей никогда не нужно было просить об этом, и даже если бы она попросила, она никогда не скажет спасибо. Она была воспитана в духе того, что мой род существует только для того, чтобы приносить пользу своей деревне. В ее глазах мы, хвостатые звери, всего лишь инструменты»

«Это отстой. Я обещаю, что постараюсь быть лучше ее. Извини, Мататаби, но я вынуждена прервать наш разговор прямо здесь и сейчас»

«Без проблем, Ханаби-чан»

Вот он.

В самой дальней камере на самом нижнем уровне этого подземного помещения, где все покрыто инеем и окрашено в яркий невинный белый цвет, одинокая покрытая инеем фигура прижалась к углу стены, подтянув колени к груди, обхватив руками колени и опустив голову вниз, делая себя как можно меньше. Она бы даже не заметила его среди этого снега, если бы не включила свой бьякуган. Здесь так много льда и снега.

Холод отступил, а лед и снег растаяли от ее обжигающего пламени, когда она подошла к нему, не замедляя шагов. Она остановилась всего в футах перед ним и опустилась на колени, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Хаку. Это я.

Несколько секунд ничего не происходило. Затем его глаза начали медленно открываться, его волосы, одежда и ресницы все еще были покрыты снегом. Все его лицо и кожа стали бледно-белыми - визуальный эффект расцвета его силы в полную силу. Он полностью покрыт инеем.

Она купается в нечестивом синем пламени. Ей повезло, что Мататаби - сговорчивый кот, иначе она бы уже превратилась в ледышку.

«Я слышала это, ня. Мне тоже не нравится быть мороженной, ня»

Да, определенно дружелюбная и отзывчивая кошка.

В конце концов, он поймал ее взгляд. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Уходи, Ханаби. — прошептал он, прежде чем снова закрыть глаза, погружаясь в сон, похожий на спячку, чтобы продолжить убегать от реальности.

Это те же три слова, которые он всегда использовал, чтобы оттолкнуть ее, когда она начинала доставать его тем, чтобы он пошел жить своей жизнью и занялся чем-то, не связанным с тренировками. В этих трех словах никогда не было серьезности. Но в этот раз она это почувствовала. Он действительно хотел, чтобы она ушла и оставила его в покое.

И это ранило ее.

— Почему?

И это ее единственный вопрос к нему.

Почему?

— Почему? — он ответил через некоторое время, глаза все еще были закрыты. — Почему я должен стараться сохранить жизнь всем, кто мне дорог? Ты чуть не умерла, Ханаби. Я почти потерпел неудачу.

— Но ты не сделал этого.

— В этот раз. Но что насчет следующего раза? А потом в следующий? Смогу ли я защищать тебя вечно? Могу ли я запретить тебе отправляться на задания? Могу ли я запретить всем, кто мне дорог, ходить на миссии, потому что есть большая вероятность, что они могут погибнуть?

— Мы шиноби, Хаку.

— Я ненавижу шиноби. Идея шиноби отняла у меня все. Чистка кровного родства отняла у меня родителей и способность доверять другим. Коноха отняла у меня свободу и свободу воли. Я даже не могу выбрать, как я хочу умереть. Я думал, что у меня, по крайней мере, есть такая свобода, но обнаружил, что мой крестный отец забрал у меня эту возможность давным-давно, и я даже не осознавал этого до сих пор. Что еще у меня осталось? Ничего. Кто забрал все? Шиноби. Всегда шиноби распространяют всю боль.

— Я здесь, Хаку. Я уже говорила тебе, я никогда не причиню тебе боли.

— И все же ты причиняешь мне больше всего боли.

Это заставило ее мысли помутиться.

— Ты могла умереть. Ты должна была умереть. Ты никак не могла быть жива, но тебе чертовски повезло, что все факторы, необходимые для поддержания твоей жизни были рядом. Мне больно. Очень больно, потому что все, что я сделал, это ненадолго отвлекся от тебя, и следующее, что я знал, что ты умирала точно так же, как моя мать. И я понятия не имел, как тебя спасти. Я снова был беспомощен. Как в тот раз, когда моя мать умерла, пытаюсь спасти меня. В тебе огромная дыра, Ханаби. Я мог только смотреть, как ты истекаешь кровью, и ничего не мог сделать, кроме как положиться на слизняка, длина которого всего пять дюймов. Тебе повезло, что Минато-тоу-сан научил меня той единственной технике, с помощью которой я могу спасти тебя... только три человека в Конохе знали, как правильно использовать эту технику. Я и мои крестные родители, и я случайно оказался там, чтобы спасти тебя. Тот факт, что ты выжила только благодаря чистой удаче, причиняет мне боль. Ты причинила мне боль, и ты сказала, что никогда не позволишь мне испытать боли. Я все равно тебе больше не нужен. Ты достаточно сильна, чтобы защитить себя, ведь ты теперь джинчуурики и в твоём распоряжении сила Ниби. Но знаешь, что ранит меня больше, Ханаби?

Он снова открыл глаза.